

Воспоминаний ребёнка было не так много, и Минхуэй быстро просмотрел их все. Однако информация, содержащаяся в них, заставила его сердце трепетать от страха. Обычно захват тела происходит вскоре после смерти, так как душа, отделившаяся от тела, постепенно слабеет, и слишком долгое ожидание может навредить процессу. Однако сейчас казалось, что этот мир кардинально отличался от того, в котором он жил раньше.

Прежде чем Минхуэй успел что-то обдумать, в комнату вошёл крепкий мужчина. Увидев, что мальчик смотрит на него широко раскрытыми глазами, он улыбнулся с радостью, подошёл и погладил его по голове, сказав:

— Ну, парень, выглядишь бодро!

Минхуэй постарался вспомнить и наконец понял, что этот человек, вероятно, был его дядей. В воспоминаниях ребёнка дядя казался ещё более высоким и крепким. Прежде чем он успел что-то сказать, Цянь Цзиньхуа уже вошла в комнату и с улыбкой сказала:

— Сяомин только что уснул, не разбуди его.

Лу Дацзян с невинным видом воскликнул:

— Невестка, это не я его разбудил! Когда я вошёл, он уже смотрел на меня.

Цянь Цзиньхуа с беспокойством подошла ближе. Хотя этот дядя был добрым, он был слишком грубым и мог напугать только что очнувшегося ребёнка.

Цянь Цзиньхуа и так обожала своего сына, а теперь, когда он только что пережил такое, её любовь стала ещё сильнее. Она подошла к кровати и спросила:

— Сяомин, тебе где-то больно? Если что-то болит, обязательно скажи маме.

Минхуэй моргнул и слегка покачал головой, сказав:

— Мама, я в порядке.

Голос ребёнка должен был быть звонким, но из-за того, что это тело никогда не говорило, его речь звучала немного хрипло и сухо. Однако даже такой не самый приятный голос заставил Цянь Цзиньхуа застыть у кровати, а Лу Дацзян невольно закричал:

— Старший брат, заходи скорее, Сяомин заговорил!

То, что Лу Сяомин был дурачком, было общеизвестным фактом в деревне Чанвань. Когда она родила его, Цянь Цзиньхуа из-за переутомления родила раньше срока, и ребёнок весил всего четыре фунта. Многие говорили, что он не выживет, но Цянь Цзиньхуа и Лу Дашань не сдавались, днём и ночью заботясь о нём, и в конце концов вырастили его. Однако, когда он подрос, стало ясно, что ребёнок не только не слишком умный, но и не мог говорить!

А теперь он не только заговорил, но и в его глазах появился блеск. Как могли родители не радоваться? Когда Лу Дашань вбежал в комнату, его руки были в перьях. Он увидел, что его жена вся в слезах, держала руку ребёнка и говорила:

— Сяомин, ты говоришь, да? Скажи ещё раз «мама».

— Мама. — Минхуэй слегка сжал губы и позвал её, думая про себя, что раз он занял тело их сына, то должен отплатить за эту родственную связь. Хотя это было немного неловко, глядя на

полную заботы женщину, он не чувствовал трудностей в произнесении этого слова.

Слово «мама», которое она ждала столько лет, снова вызвало слёзы на глазах Цянь Цзиньхуа. Лу Дашань, стоящий сзади, поспешил вперёд, не решаясь прикоснуться к сыну руками, испачканными перьями, но сказал:

— Сяомин, позови меня папой. Я твой папа.

— Папа. — После первого слова остальные пошли легко. Минхуэй моргнул, думая про себя, что вот каково это — иметь родных.

Лу Дацзян тоже хотел присоединиться, но его оттеснили брат и невестка, которые уговаривали ребёнка позвать их мамой и папой, чуть не поссорившись из-за этого. Он с улыбкой сказал:

— Старший брат, невестка, Сяомин теперь здоров, у вас будет много времени, чтобы он вас позвал. Зачем так торопиться?

Цянь Цзиньхуа вытерла слёзы и с улыбкой сказала:

— Вот я, совсем от радости потеряла голову. Помнишь, тот гадатель говорил, что у нашего Сяомина будет счастливая судьба. Вот оно — после большой беды обязательно придёт удача. Теперь всё будет хорошо, и никто больше не посмеет тебя обижать.

Лу Дацзян тоже прослезился. Ему уже было немало лет, и это его единственный сын. Он уже готовился к тому, что будет заботиться о нём всю жизнь, но теперь, после этого происшествия, ребёнок выздоровел.

То, что ребёнок выздоровел, было большой радостью. Супруги Лу настаивали на том, чтобы Лу Дацзян остался на обед, и он не стал отказываться. Однако, выйдя на улицу, он осторожно напомнил:

— Невестка, я вижу, что Сяомин действительно выздоровел, но на всякий случай отвезите его в больницу на обследование, чтобы быть уверенными.

Цянь Цзиньхуа нахмурилась:

— Врачи в нашем городке ничего не стоят. Вчера, когда Сяомин привезли, они сказали, что он безнадежен. Если сейчас его отвезти, максимум пропишут какие-то лекарства, толку от этого не будет.

Лу Дацзян подумал и согласился. Ему хотелось отвезти племянника в большую городскую больницу, но у него не было на это денег, поэтому он больше не настаивал.

Цянь Цзиньхуа не хотела ехать в больницу не только потому, что врачи в городке были ненадёжными, но и из-за нехватки денег. Кроме того, она чувствовала, что пробуждение сына связано с тем, что она много молилась богам. Эти мистические вещи она, конечно, не могла рассказать врачам.

В утренней деревне Чанвань тонкие потоки духовной энергии, словно притягиваемые, медленно стекались в небольшой двухэтажный дом. Глазами этого было не увидеть, но если бы здесь был культиватор, он бы удивился, заметив, как с притоком духовной энергии окружающие растения становились более живыми, чем раньше.

Через некоторое время, когда первые лучи солнца коснулись земли, духовная энергия медленно рассеялась. В комнате на втором этаже, обращённой на восток, Минхуэй, или, точнее, теперь он Лу Сяомин, завершил медитацию в позе пяти точек и с сожалением вздохнул. Нельзя не признать, что тело, в котором он оказался, обладало гораздо лучшими способностями, чем его предыдущее. Во-первых, это был чистый водный духовный корень, который почти не уступал небесному духовному корню. Во-вторых, тело было молодым, и в нём накопилось меньше загрязнений.

Единственное, что огорчало, это то, что такие хорошие способности не подкреплялись достаточным количеством духовной энергии. Этот мир явно отличался от того, в котором он жил раньше. Миров бесчисленное множество, и он не знал, что пошло не так во время захвата тела, но в этом маленьком мире духовная энергия была настолько слабой, что даже с чистым духовным корнем её поглощение было затруднительным.

Прошло почти месяц с тех пор, как он оказался в этом мире, и каждый день Минхуэй использовал самый трудоёмкий, но наиболее эффективный метод поглощения духовной энергии, едва достигнув первого уровня циркуляции ци. Он даже не переступил порог культивации, что было крайне медленно для того, кто переродился через захват тела.

Глядя на свои маленькие руки, Минхуэй вздохнул. По крайней мере, он остался жив. Хотя сейчас он не мог связаться с мастером и старшими братьями, он провёл несколько сотен лет во Вратах Укрощения Зверей и изучил всё, что мог. Когда-нибудь, когда он восстановит свои силы, он обязательно найдёт способ вернуться. Для культиваторов расставания были обычным делом. Когда уровень мастерства становился высоким, даже одно затворничество могло длиться сотни лет, так что Минхуэй не слишком торопился.

— Сяомин, ты уже встал? — Послышался голос у двери, и прежде чем кто-то успел ответить, Цянь Цзиньхуа вошла в комнату. Как мать, она никогда не считала нужным стучать перед тем, как войти в комнату сына. Увидев, что ребёнок уже открыл глаза, она улыбнулась и подошла, чтобы помочь ему одеться.

Лу Сяомин с неловкостью отклонился. Хотя этому телу было всего пять лет (из-за прошлых событий он выглядел как трёхлетний), как существо, прожившее сотни лет, он не мог позволить, чтобы кто-то одевал его, даже если это была его мать.

Увидев, как Лу Сяомин аккуратно одевается своими маленькими ручками, Цянь Цзиньхуа искренне обрадовалась. Когда он закончил, она взяла его на руки и понесла вниз:

— Утром я приготовила твоё любимое яичное суфле. Съешь побольше, чтобы быстрее расти, понял?

Лу Сяомин кивнул. Хотя ему было непривычно, чтобы его носили на руках, он был снисходителен к своей матери в этой жизни. В конце концов, родственные узы невозможно разорвать, и даже когда он восстановит свои силы и вернётся во Врата Укрощения Зверей, он должен будет отплатить за эту заботу.

[Пусто]